

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS**Рецензия на монографию: Чжао Цзяньин. Китайский марксизм XXI века / пер. с кит. Буров В.Г., Смирнов Д.А. М.: Издательство Московского университета, 2024. 307 с.**

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225030129

Современный китайский марксизм — комплексный и многогранный теоретический конструкт с крайне детализированным концептуальным и методологическим инструментарием и разветвленной терминологической системой, требующими глубокого анализа. В отечественной китаистике в последние десятилетия появилось множество работ, в которых рассматриваются различные аспекты современной китайской марксистской мысли, но вместе с тем наблюдается нехватка переводов трудов и речей Си Цзиньпина и монографий китайских ученых, посвященных осмыслению и творческому развитию идей китайского лидера. В связи с этим публикация русскоязычного перевода монографии Чжао Цзяньина «Китайский марксизм XXI века»¹, безусловно, является важной вехой на пути к пониманию философских и идеологических основ политического курса КНР.

Чжао Цзяньин — профессор Нанкайского университета, директор издательства АОН КНР, один из ведущих исследователей китайского марксизма, автор многочисленных статей и монографий по классическому и китайскому марксизму (в частности, по идеям Си Цзиньпина), политике, экономике и международным отношениям КНР. Отечественный читатель уже имел возможность ознакомиться с его трудами благодаря переводам В.Г. Бурова².

Монография, опубликованная в 2018 г.³, представляет собой сборник статей и докладов автора, в которых раскрываются различные теоретические и практические аспекты китайского марксизма (от исследования философских оснований и институционального оформления социализма с китайской спецификой до анализа шэньчжэньской экономической модели и внешнеполитического курса КНР). Статьи сборника даны преимущественно в хронологическом порядке, что позволяет читателю проследить как развитие китайского официального дискурса в эпоху Си Цзиньпина, так и эволюцию авторской мысли, осмысление Чжао Цзяньином проблем и перспектив китайского марксизма в условиях динамично меняющихся внутри- и внешнеполитических условий.

Специфические концепции и идеологемы китайского марксизма вводятся в книгу постепенно. Благодаря чему монографию можно рекомендовать в качестве доступного широкому читателю введения в современный китайский марксизм. Вместе с тем работа будет полезна и специалистам в области китайской политики, международных отношений и философии.

Основную идею монографии можно выразить в пяти тезисах. Во-первых, несмотря на крах многих социалистических государств, марксизм убедительно продемонстрировал, что вскрыл объективные законы общественного развития, доказательством чему служит успешное развитие КНР и, косвенно, упадок Запада. В связи с этим марксизм должен оставаться неизменным философским и идеологическим компонентом китайской модели развития.

Во-вторых, марксизм в Китае — это не абстрактный марксизм, а марксизм китайский, обусловленный исторической динамикой и культурной спецификой страны. В историческом плане на китайский марксизм повлияли как

¹ Чжао Цзяньин. Китайский марксизм XXI века / пер. с кит. Буров В.Г., Смирнов Д.А. М.: Издательство Московского университета, 2024. 307 с.

² Чжао Цзяньин. Об основах идей Си Цзиньпина о социализме / пер. с кит. В.Г. Бурова, С.Д. Павловой // *Свободная мысль*. 2024. № 4. С. 95–112; Чжао Цзяньин. Китаизация марксистской философии. Великий исторический процесс реформ и открытости в Китае / пер. с кит. В.Г. Бурова // *Свободная мысль*. 2020. № 3. С. 44–62.

³ 赵剑英: 21世纪中国的马克思主义 [Чжао Цзяньин. Китайский марксизм XXI века]. 北京: 中国社会科学出版社, 2018年.

внутриполитические обстоятельства (неразвитость производительных сил и производственных отношений в середине XX в., обусловленная «столетием унижения»), поэтому, несмотря на значительные успехи в экономическом развитии, Китай остается и продолжит долгое время оставаться на начальном этапе социализма), так и внешнеполитическая динамика (антагонизм со стороны западных стран, усилившийся за последние десятилетия). В культурном плане китайский марксизм не может не испытывать влияния со стороны традиционной китайской культуры. В связи с этим формула китайского марксизма трехчастна: он состоит из традиционной китайской культуры, новодемократической культуры и социалистической культуры. Тем не менее, несмотря на попытки дискредитации китайского марксизма (например, заявления о том, что в КНР не начальный этап социализма, а государственный капитализм), он продолжает оставаться марксизмом, а не трансформируется в какой-либо иной «изм» (с. 17).

В-третьих, с учетом историко-культурных факторов и сложившейся политической обстановки наиболее адекватным ответом на вызовы, стоящие перед КНР, стал курс, основанный на идеях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Это, однако, не значит, что в Китае происходит догматизация идей Си или его предшественников: КПК прекрасно понимает, как негативно влияет на развитие страны окостенение мысли, и неукомительно следит за тем, чтобы все теоретические наработки соответствовали духу «реалистического подхода», т.е. корректировались на основе практических результатов. Особо важным в условиях «новой эпохи» становится вопрос о культивировании марксистской этики, стремлении кадров к постоянному саморазвитию и «самореволюционизации», конструктивной критике и самокритике (с. 59, 80, 117).

В-четвертых, важнейшей целью китайского марксизма становится служение народу, проявляющееся не только в повышении его материального благополучия, но и удовлетворении духовных потребностей. В современном китайском дискурсе эта цель проблематизирована в контексте изменения основного противоречия: противоречие между растущими потребностями народа и отсталостью производства трансформировалось в противоречие между растущей «потребностью в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития» (с. 194). Одной из важнейших задач на пути к этой цели становится воспитание в народе прекрасных ценностей китайского социализма, для чего необходимо создание «индустрии культуры» (с. 127), спо-

собной создавать произведения культуры на основе китайских ценностей и конкурировать на глобальном уровне с американской, японской и корейской индустриями культуры. Соответственно, необходимо и обеспечение безопасности китайской культуры (с. 129).

В-пятых, во внешнеполитическом отношении китайский марксизм не несет в себе угрозы миру, не ставит целью экспорт социалистической революции, а также отвергает традиционную реалистскую логику международных отношений. Вместе с тем важным для КНР становится повышение эффективности китайской мягкой силы, а также укрепление дискурсивной силы (права голоса).

Несмотря на убедительность аргументов Чжао Цзяньина и демонстрируемый им уровень владения марксистской теорией, в работе содержится ряд «белых пятен» и спорных положений. Так, одной из важнейших проблем, не затронутых автором монографии, становится вопрос о соотношении марксистского универсализма, традиционного китайского взгляда на мироустройство и роли КНР на современной политической арене.

Красной нитью в работе проходит тезис об отрицании универсальных ценностей, под которыми, по мнению автора монографии, на самом деле скрываются сугубо западные ценности (причем сравнительно новые, сконструированные после окончания холодной войны), несущие в себе угрозу западной культурной гегемонии. При этом не до конца понятен авторский ответ на вопрос: плохи ли «западные ценности» сами по себе или только потому, что с их помощью западные державы пытаются установить контроль над остальными странами? С одной стороны, Чжао Цзяньин неоднократно упоминает о возможности использования западных концепций на китайской почве (с. 61, 71, 97). С другой стороны, такие западные ценности, как конституционное правление, разделение трех ветвей власти, многопартийная система, независимый суд, гражданское общество и т.д., относятся к «семи ошибочным идейным течениям» (с. 143–144), которым необходимо решительно противодействовать.

Универсальные ценности противопоставляются, с одной стороны, основным ценностям социализма (с. 27), с другой, общим ценностям, лежащим в основе Сообщества единой судьбы (с. 206–208). В обоих случаях противопоставление выглядит проблематичным. Даже если основные ценности социализма возникли в результате адаптации марксизма к китайским реалиям, они все равно предполагают существование не менее универсальных марксистских ценностей,

западных по своему происхождению. Точно так же и общие ценности основаны на марксистской теории и одновременно с этим отвечают потребностям не только китайской или западной культуры, но и всех мировых культур (с. 282). Можно предположить, что, по мнению Чжао Цзяньина, в отличие от «ложно универсальных» либеральных западных ценностей марксистские общие ценности истинно универсальны и вместе с тем необходимо плюралистичны, т.е. речь идет о некоей плюриверсальной концепции.

Проблема возникает тогда, когда выясняется, что при этом не снимается тезис о неизбежной мировой победе социализма и гибели капитализма⁴ (с. 281). Допускает ли Чжао Цзяньин, что некоторые государства предпочтут остаться капиталистическими даже в мире победившего социализма? Может ли социалистическая мировая система сосуществовать с такими политиями, или же они всегда будут нести в себе угрозу «капиталистического отката»? Есть ли границы у марксистской инклюзивности китайского толка? К сожалению, эти проблемы не получили должного освещения в работе.

Другой важный вопрос заключается в том, как именно будет достигнута неизбежная победа социализма. Чжао Цзяньин заявляет, что социализм с китайской спецификой вполне способен сотрудничать с разными формами капиталистической формации (с. 17), а возвышение Китая не означает борьбу с другими государствами (с. 29). Иными словами, речь идет о своеобразном провиденциализме, в рамках которого все основные акторы убеждаются в истинности марксистского учения, наблюдая за успехами Китая, и добровольно «обращаются» в марксистов — картина, довольно сильно напоминающая традиционную конфуцианскую модель взаимоотношений с «варварским» миром.

В связи с этим едва ли удивительно, что Чжао Цзяньин неоднократно обращается к традиционным китайским политико-философским концептам, заявляя о них как о важной состав-

ляющей общих ценностей. При этом в ряде случаев между традиционными китайскими ценностями, социалистическими ценностями и общими ценностями Сообщества единой судьбы чуть ли не ставится знак равенства. Кроме того, речь идет о специально отобранных ценностях, которые позволяют воспроизводить традиционный нарратив о том, что «в крови китайской нации не содержится агрессии против других людей» (с. 300), тезис об извечной любви китайской цивилизации к миру, гармонии, дружелюбию к соседям (с. 286). Конечно, в самой попытке синтеза марксизма и китайской культуры и адекватной актуализации последней в современных реалиях нет ничего зазорного. Но абсолютизация положительных аспектов китайской интеллектуальной традиции во многом лишь тривиализирует китайскую мысль, снижает ее значимость в качестве источника ответов на вызовы современности⁵ и в целом противоречит диалектическому подходу.

Стоит отметить, что Чжао Цзяньин сталкивается здесь с теми же проблемами, что и многие современные китайские исследователи, предлагающие альтернативную западной концептуализацию мирополитического пространства в лице концепции «Тянься» (наиболее известным примером здесь является работа Чжао Тиньяна⁶). Ее сторонники, пытающиеся адаптировать традиционную китайскую модель мироустройства к современным глобальным реалиям, подвергаются критике⁷ за ту же идеализацию китайского политического прошлого, не-

⁴ Стоит отметить, что В. Миньоло, один из авторов концепции плюриверсализма, позиционирует его как альтернативу трем основным идеологиям западной цивилизации (христианству, либерализму и марксизму), которые критикует, в частности, как раз за линейное представление об истории. См.: *Mignolo W.D. Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton University Press, 2012. Pp. 310–311.

⁵ Так, анализ древнекитайских философских трактатов показывает, что во многих из них содержатся элементы теории справедливой войны и даже протоконцепции гуманитарной интервенции. См.: *Рыков С.Ю., Кочеров О.С. Концепция гуманитарной интервенции в древнекитайской философии и в современном дискурсе КНР // Полис. Политические исследования*. 2024. № 6. DOI: 10.17976/jpps/2024.06.09. Их изучение может способствовать созданию более инклюзивной этики войны и, что более важно, этики мира.

⁶ *Zhao Tingyang. All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order / tr. by J.E. Harroff*. Berkeley: University of California Press, 2021.

⁷ См., напр.: *Chu Sinan. Whither Chinese IR? The Sinocentric subject and the paradox of Tianxia-ism // International Theory*. 2022. Vol. 14. No. 1. DOI: 10.1017/S1752971920000214

критичность к китайской интеллектуальной традиции и непрозрачность стратегии в отношении инакомыслящих, не желающих становиться частью «Поднебесной мир-системы». Но, конечно, эти недостатки сами по себе не доказывают несостоятельность концепции «Тянься» или конструкта «Сообщества единой судьбы» и лежащих в его основе общих ценностей, а лишь свидетельствуют о необходимости более тщательного анализа китайской интеллектуальной традиции и более тесного сотрудничества между политологами, международниками и историками китайской философии.

Еще один дискуссионный аспект рассматриваемой монографии состоит в том, что китайский марксизм представлен в ней фактически как обособленное явление. Несмотря на неоднократные утверждения Чжао Цзяньина (подкрепленные высказываниями Мао Цзэдуна и Си Цзиньпина) о необходимости тесного взаимодействия с другими культурами и их интеллектуальными традициями, такое сотрудничество в работе никак не обсуждается. Более того, практически не затрагивается вопрос о переосмыслении в современном Китае традиционного марксизма и совсем не предпринимается попыток выстроить сотрудничество с современной западной марксистской мыслью. В этом плане работа Чжао Цзяньина проигрывает трудам других китайских теоретиков марксизма, доступных на русском языке (например, работам Ли Чжожу⁸ и Ян Гэна⁹) и представляет собой не столько дискуссию, сколько изложение основ современной китайской идеологии. Конечно, автор монографии и не ставил перед собой задачу проблематизировать китайский марксизм в контексте глобального левого дискурса, но в ряде других публикаций Чжао Цзяньин работает в этом направлении¹⁰.

Необходимо сказать и несколько слов о рус-

скоязычном издании монографии Чжао Цзяньина. Работа отличается высоким качеством как перевода, так и редактуры. Перевод китайских терминов унифицирован (отсутствие такой унифицированности — традиционное слабое место коллективных переводов) и сопровождается уместными переводческими комментариями. Тем не менее, в издании есть и ряд недочетов.

Несмотря на то, что автор пытается не перегружать читателя китайскими идеологическими конструктами, они все же встречаются в работе достаточно часто. С одной стороны, это приводит к тому, что читатель не всегда может вспомнить, что подразумевается под тем или иным термином, или запутаться в смежных концепциях — особенно если в деле замешана столь милая китайскому сердцу «нумерология» (читатель, незнакомый с китайским политическим языком, может легко перепутать, например, четыре основных принципа 四个基本原则 с четырьмя всесторонностями 四个全面). С другой стороны, переводчики иногда не дают сноски с разъяснением конкретной концепции, а иногда дают такую сноску несколько раз: концепция «двух столетних юбилеев» 两个一百年, например, трижды сопровождается сноской с одним и тем же переводческим комментарием (с. 8, 230, 290). Обоих проблем, вероятно, можно было бы избежать, если бы переводчики добавили приложение со списком основных упомянутых в тексте концепций.

Другая, более сложная, проблема (с которой, впрочем, сталкивается практически любой переводчик китайских социально-политических текстов) состоит в том, что автор монографии неоднократно приводит часто встречающиеся в современном китайском дискурсе цитаты из классических трактатов. В связи с этим возникает вопрос: нужно ли давать к этим цитатам переводческий комментарий, и если да, то насколько подробный? Достаточно ли указать, что перед нами цитата из «Лунь юя», или же необходимо вкратце описать оригинальный смысл высказывания и его контекст? Ситуация осложняется тем, что зачастую в переводимых текстах встречаются нагромождения цитат (см., например, с. 299, где приводится список из более чем 20 «уставов китайской культуры», являющих собой цитаты из различных классических трактатов), и переводческий комментарий в таком случае мог бы очень сильно осложнить восприятие текста читателем.

Авторы перевода недостаточно последовательно подошли к этой проблеме: в ряде случаев (например, на с. 207) в сноске указывается источник цитат, а иногда дается и краткая хара-

⁸ Ли Чжожу. Китаизация марксизма и новая эпоха: политика, общество, культура и идеология. М.: Родина, 2022.

⁹ Ян Гэн. Апология Маркса новое прочтение марксизма / пер. с кит. М.С. Яковенко. М.: Шанс, 2019.

¹⁰ Так, в 2023 г. вышел англоязычный перевод избранных работ Чжао Цзяньина, в ряде которых идет диалог с глобальным марксизмом, историческим и современным. См.: Zhao Jianying. Echoes of the Times in Philosophy: Collected Works of Zhao Jianying / tr. by Chen Fengjiao. Erith: Paths Publishing Group, 2023.

ктеристика цитируемой идеологемы (например, толкование принципа «единства Неба и человека» на с. 287), но в большинстве случаев никакого комментария не приводится. Вероятно, решением могло бы стать еще одно приложение, в котором содержались бы краткое описание таких цитат. В целом, на взгляд автора рецензии, в российской китаистике назрела необходимость в создании справочного материала, который, с одной стороны, опираясь на уже существующие наработки отечественных исследователей в этой области, включил бы наиболее часто встречающиеся в китайском дискурсе цитаты из классических трактатов, их оригинальное значение и современные интерпретации; с другой стороны — находился бы в открытом доступе, что позволяло бы ссылаться на него в переводах и исследованиях. Такой труд мог бы стать альтернативой китайскому проекту «Ключевые слова Китая» (中国关键词) и представить взгляды российского, а не китайского, академического сообщества.

Прочие современные и исторические китайские реалии в рецензируемом переводе в целом сопровождаются комментарием, хотя встречаются и упущения. Так, на с. 53 без какого-либо комментария говорится о «злодеях Цзе и Чжоу» — персонажах, знакомых далеко не

каждому читателю. Вероятно, не всем будут понятны и более современные «тигры и мухи» (с. 59) или не китайские, но крайне популярные в китайском дискурсе «черные лебеди» (с. 43). В ряде случаев переводческие комментарии хоть и есть, но выглядят несколько странными. Так, на с. 215 в сноске к трактату «Правило для младших братьев» (корректнее — «Правила для учеников») сообщается, что «речь идет о патриархальной традиции, предписывающей определенные правила поведения младших... к старшим», хотя стоило бы прежде всего указать по аналогии с соседними сносками, что речь идет о конкретном произведении.

Монография Чжао Цзяньина ценна тем, что дает ключ к пониманию того, какие перемены произошли в Китае за последние десятилетия, и как они осмысляются китайской интеллигентской элитой. Размышления автора о перспективах китайского марксизма в новую эпоху могут быть полезны и для современной России, так же пытающейся нащупать свою идентичность и путь в непростых внешнеполитических условиях. Работу Чжао Цзяньина следует включить в списки рекомендуемой литературы в рамках университетских программ по подготовке китаистов, политологов и специалистов в области международных отношений.

Кочеров Олег Сергеевич

Кандидат политических наук, научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН (адрес: 109240, Москва, Гончарная ул., 12/1). ORCID: 0000-0002-2745-5991.
E-mail: kocheroviphras@gmail.com

Book Review: *Zhao Jianying. 21st Century Chinese Marxism. Tr. by V.G. Burov, D.A. Smirnov. Moscow: Moscow University Press, 2024. 307 p.*

Oleg S. Kocherov

Ph.D. (Political Science), Researcher, Department of Oriental Philosophies of Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (address: 12/1, Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2745-5991.
E-mail: kocheroviphras@gmail.com